

ваки признала чехословацкое правительство в Лондоне. Однако она занимала критическую позицию по целому ряду аспектов его политики (см.: Очерк истории Коммунистической партии Чехословакии, с. 207).

⁵ Государственный совет был образован декретом Э. Бенеша от 21 июля 1940 г. «как совещательный орган президента республики и как вспомогательный контрольный орган в рамках временного государственного устройства Чехословацкой республики». Государственный совет должен был состоять из 40 членов, назначенных президентом. Кроме министров временного правительства, в его состав были введены буржуазные и реформистские политики, такие, как аграрий М. Годжа, социал-демократы Р. Бехине, И. Чаплович, Б. Лаушман, национальные социалисты В. Клецанда, Й. Странский, Ф. Углирж, представитель народной партии Ф. Гала и другие. Его возглавлял сначала Р. Бехине, позднее — П. Макса (Úřední věstník československý, Londýn, гоѡ. 1, ѡ. 10, 4. prosince 1940).

В конце ноября 1941 г., учитывая развитие военных действий на фронтах, движения Сопротивления внутри страны и то, что КПЧ выразила свою поддержку правительству (см. примеч. 4), Бенеш назначил членами Государственного совета и коммунистов: В. Носека, А. Годинову-Спурну, Й. Вало, К. Крейбиха и дополнительно как представителя чехословацкой эмиграции в СССР Б. Врбенского (см.: Fierlinger Z. Ve službách CSR. Praha, díl 2, 1948, s. 34—36, 38).

⁶ Сикорский Владислав — см.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, т. III, с. 492.

⁷ См. док. 73.

76

*Из записи беседы президента Чехословакии Э. Бенеша с послом СССР в Великобритании И. М. Майским о позиции Правительства СССР в чехословацком вопросе и о его поддержке чехословацкого движения Сопротивления*¹

Лондон

8 июля 1941 г.

1) В пятницу 4 июля звонил Майский и спрашивал, согласен ли я принять приглашение на обед в субботу или в понедельник. Я сразу сообщил, что с радостью принимаю приглашение, но что буду в Лондоне только во вторник. Договорились на вторник.

2) Во вторник, сразу после встречи, Майский сообщил мне следующее:

— Советское правительство дало мне инструкцию передать Вам следующее сообщение:

а) политической программой Советского правительства является самостоятельная Чехословакия с чехословацким национальным правительством;

б) само собой разумеется, что Советское правительство не хочет вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и что вопрос о внутреннем режиме и структуре чехословацкий народ решит сам;

в) если чехословацкое правительство желает направить в Москву своего посланника, Советское правительство с радостью его примет²;

г) Советское правительство готово оказать помощь в организации чехословацкой воинской части в России³. В таком случае оно считает, что, по-видимому, можно было бы организовать специальный национальный чехословацкий комитет, который помогал бы в организации армии. Единственным условием является то, что в оперативных и военно-технических вопросах эта часть находилась бы под русским верховным командованием. В остальном командование и офицеры были бы чехословацкие.

3) Я горячо поблагодарил Майского за сообщение и сказал, что с радостью принимаю это сообщение и что это является для меня только подтверждением того, что я сам сказал в своем последнем выступлении*, т. е., что мы возвращаемся в отношении России к тому положе-

* Речь идет о выступлении Бенеша по лондонскому радио в передаче на Чехословакию 24 июня 1941 г.

нию, которое существовало в 1938 г. перед Мюнхеном. Принимаю к сведению и выражаю согласие с первым, вторым и третьим пунктами; мы направим посланника как можно скорее и, учитывая тот факт, что, как он сам знает, мы выступаем в защиту принципа непрерывности существования республики, посланник Фирлингер может просто возвратиться на свое место. Я просил его сообщить мне, не будет ли возражений. Майский сразу же ответил, что он может сообщить, что возражений нет и не будет и что Фирлингера в Москве примут с радостью.

4) По вопросу об организации войск я потом добавил: здесь у меня есть некоторые оговорки и я просил бы, чтобы Майский запросил из Москвы разъяснения и одновременно сообщил туда нашу точку зрения.

Мы отстаиваем в военных делах следующую линию:

а) вся наша военная и политическая акция является и должна быть совершенно единой. Она должна быть подчинена правительству в Лондоне, и все воинские части должны подчиняться министру национальной обороны. Требование передать часть под верховное русское командование в оперативном, техническом и других отношениях мы понимаем и полностью принимаем;

б) что касается какого-либо комитета, то мы а priori не были бы против, но при условии, что уполномоченным и представителем правительства, которому должна подчиняться вся военная и политическая деятельность в иностранном государстве, может быть лишь посланник, ему должен был бы подчиняться и такой комитет. Военными делами руководил бы наш специалист — высший офицер. Майский сказал, что, по его мнению, в этих вопросах не будет разногласий;

в) я заявил, что мы бы очень хотели, чтобы такая воинская часть в России существовала, и что мы попытаемся сделать это. В ходе беседы, отвечая на вопросы Майского, я подсчитал, что мы могли бы в течение некоторого времени создать в России приблизительно одну моторизованную бригаду. Я просил ответить на эти мои точные вопросы.

5) Тем самым основные вопросы были рассмотрены в большинстве своем положительно и мы обоюдно заявили, что по принципиальным вопросам мы сходимся и можем считать, что по ним мы договорились. Лишь по четвертому пункту необходимы будут дальнейшие разъяснения. В связи с этим я спросил Майского, не сможет ли он передать мне в письменном виде свое устное сообщение, так как это имело бы большое значение для обеих сторон, и сказал, что я также хотел бы подтвердить ему это сообщение в письменном виде. Он ответил, что у него нет на это инструкций, но что он сразу же запросит согласна ли Москва, и потом сразу сообщит мне об этом. Он считает, что в Москве не будет возражений.

6) Затем я заявил Майскому, что считаю это возобновлением отношений 1938 г. и что мы будем действовать в соответствии с этим. Мы идем совместно против Гитлера, мы будем совершенно лояльными в отношении к России; то, что касается русских и касается нашей совместной политики и деятельности, мы будем лояльно и совместно обсуждать с ними, будем лояльно информировать их о своих делах и своих действиях и лояльно сотрудничать с ними. Мы являемся и останемся лояльными в отношении к Англии, Польше и остальным...

Публикуется по сб.: Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1960, с. 11—13.

¹ Уже в первые дни после нападения гитлеровской Германии на СССР Советское правительство предприняло шаги, направленные на нормализацию дипломатических отношений между Советским Союзом и чехословацким правительством, находившимся в Лондоне. По указанию Советского правительства, посол СССР в Великобритании И. М. Майский в начале июля 1941 г. начал переговоры с Э. Бенешем о восстановлении дипломатических отношений между Советским правительством и чехословацким правительством в Лондоне и о заключении соглашения о взаимной помощи и поддержке в войне против Германии.

² См. док. 99.

³ См. док. 82, 111.

Из записки начальника канцелярии президента Чехословакии Я. Смутного о взглядах Э. Бенеша на роль Советского Союза в послевоенный период*

Лондон

12 июля 1941 г.

[Бенеш]: Все будущее зависит от того, какими будут победа или поражение России, в каком состоянии она выйдет из этой войны. Поэтому я с таким вниманием слежу за развитием событий. Для нас это имеет решающее значение. После этой войны Франция даже через 20 лет не будет в состоянии играть ведущую роль в европейской политике. Англия через 5 лет уйдет из Европы и пойдет с Америкой по иному пути. В Европе останутся лишь Россия и Германия. Германия будет разрушена, а в Восточной Европе, думаю, что и в Центральной Европе, решающую роль будет играть Россия. Для нас такое положение чрезвычайно важно, поскольку от него будет зависеть все будущее, безопасность республики. Мы заинтересованы в том, чтобы русские хорошо делали эту политику...

Я высказал Майскому свои взгляды по вопросу о наших границах. Я развеял все сомнения в отношении того, что означало бы для нас, если бы у нас была общая граница с Россией, но что бы это также значило для безопасности русских. Я сказал ему прямо, что мы настаиваем на принципе преемственности, следовательно также и в вопросе Подкарпатской Руси. Это относится к Чехословацкой Республике. Но наша позиция в этом вопросе такая же, какую я формулирую по отношению ко всем. Подкарпатская Русь может принадлежать лишь нам или России. А о том, кому она будет принадлежать, договоримся только лишь мы и русские, никто иной не должен вмешиваться в это... Это же мною было ясно сказано полякам, у них не должно быть сомнений на этот счет. Никогда она не может принадлежать ни венграм, ни полякам...

Если бы поляки были разумными¹, то можно было бы так урегулировать дела в Европе, чтобы избежать опасности войны. Наша конфедерация с Польшей под патронатом России создала бы между Германией и Россией такой барьер, что немцы никогда бы не отважились напасть ни на Россию, ни на нас. Мы вдвоем могли бы сосредоточить наше общее внимание на подготовке обороны от Германии, а Россия, которой не надо было бы заботиться о своей западной границе, укрепила бы лишь на востоке. В Центральной Европе и на востоке царил бы мир. Западные границы Германии в таком случае в достаточной степени охранялись бы Францией и Англией.

В этом состоит взгляд Бенеша на будущее Европы. Он ожидает, что Россия и славяне будут в ней играть преимущественную роль. Он обос-

* Исключены те части документа, где говорится о состоянии здоровья Э. Бенеша, о позиции Польши и об общих вопросах международной политики.